

Б И Б Л И О Т Е К А

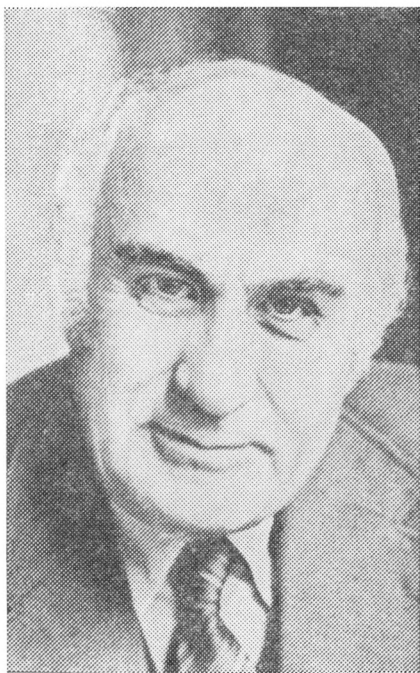
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 41

1987

Ираклий АБАШИДЗЕ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ВЕЧНО СНАЧАЛА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 41

Ираклий АБАШИДЗЕ

ВЕЧНО СНАЧАЛА

ИЗ ЛИРИКИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

*Авторизованный перевод с грузинского
Михаила СИНЕЛЬНИКОВА*

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1987

Ираклий АБАШИДЗЕ

Ираклий Виссарионович Абашидзе родился 23 ноября 1909 года в селении Хони (Грузинской ССР). В 1931 году окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета.

Печататься начал с 1928 года. Первый сборник стихов издал в 1931 году. В дальнейшем книги его стихов на грузинском, русском и на языках братских республик издавались неоднократно; печатался и за рубежом.

Ираклий Абашидзе — академик Академии наук Грузинской ССР, главный редактор Грузинской Советской Энциклопедии.

За книгу стихов «По следам Руставели» Ираклий Абашидзе был удостоен премии Шота Руставели (1965 год), а за книгу «На берегах Ганга» — премии Джавахарлала Неру (1972 год).

Ираклий Абашидзе — Герой Социалистического Труда, награжден четырьмя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Дружбы народов и «Знак Почета».

Член КПСС с 1939 года.

ЛЮБОВЬЮ К ЖИЗНИ

Только огонь,
 лишь горение,
 стихотворенье,
Только гимн,
 только хоры —
 их натиск непобедим.
О, как тяжело стареть в нашей Грузии...
Что там старенье!
На грузинской земле надо вечно быть молодым.
Сказать по чести,
 всех больше
 упиваемся мы, поэты
Любовью к жизни
 и жизнью...
 Кажется — только ло
И похвалы, и лавры, и золотые кареты,
Эти ковры и букеты,
 обретенье любви!
Апрели, пьянящие душу,
 бурно цветущие весны,
Из сердца земли к небу
 взлетающие сады,
Серебряные потоки,
 гремящие победоносно,
Вершины и луговины,
 уступы горной гряды.
Только огонь,
 лишь горение,
 стихотворенье,
Только гимн,
 только хоры —
 их натиск непобедим.

Ох, как тяжело стареть в нашей Грузии...
Что там старенье!
На грузинской земле надо вечно быть молодым.

ЗОВ АЛАЗАНИ

Микеле Бажану

Разве исчезло,
 разорвано братство до гроба?
Вновь к Алазани сзывает нас алавердоба¹.
В Греми, в Кварели погоды стоят золотые.
В дреме застыли старейшины гор снеговые,
снова забыли ненастье,
 как блики миража,
снова бурлит плодоносная Фландрия наша.

Ждем тебя снова в Сигнахи,
где полночь,
 пожара цветистей,
из виноградников неба роняет алмазные кисти.
Горное эхо грохочет над крепостью Греми.
Реют костры.

На пиру не торопится время.

Молнии Зевса проносятся в розовом свете
между кострами ликует застолье Кахети.
Вскинули чаши и тотчас их опустошили...
Басом ревет захмелевший хевсур Габашвили².
Тост говорит сам Яшвили...³

 Склонившись к веселью,
слово горит и плывет голубой акварелью.
Тени прохлады рыдают на храмовых стенах.
Песня беззвучна...

Как хмель, закипающий в венах,

¹ Алавердоба — древний народный праздник.

² Габашвили Георгий (1862—1936) — грузинский художник, автор известной картины «Пьяный хевсур».

³ Яшвили Паоло (1895—1937) — известный грузинский поэт.

пена лихая сбегает по турьему рогу.
Бражники гостя ведут от порога к порогу.
Перед костром — кахетинцы, хевсуры, тушины,
пышущим пламенем дышат хмельные мужчины.
Пляшет на пиршестве юная Ната Вачнадзе,
пшавы, тушины оленьего взора страшатся.

Яростный Бахус пирует и празднует с нами
между огнями и огненными лезвиями.

В круг проскользнет

и отпрянет, шатаясь понуро,
и отразится в зеркальном кинжале хевсура,
голос подаст в общем пении,
гулком и звонком,
к свету присядет,

взовьется проворным чертенком.

В чаше плывет,

на цветущем лугу колобродит,
словно безводную мельницу,

слово заводит...

Камень гудит,

легкий воздух поет своевольно.

Белые кельи во мраке гремят колокольно.

Рядом — Алуда, Лухуми,

Джохола, Онисе¹,

с ними сидит и за здоровье пьет Леонидзе.

Зезва и Миндия пьют,

и клокочет арака,

пенятся роги во славу и честь

Пастернака.

Ждем тебя снова в Сигнахи,
чтоб вспыхнули перед глазами
краски заката и звездная даль Алазани,
чтобы наш храмовый праздник
из фрески святых богомазов
стал бы поэзии пиром,

празднеством песен, рассказов...

Сядем за дружеский стол

и приветствия прадедов скажем
клятвой старинной

сердца просветленные свяжем.

¹ Здесь упомянуты имена героев поэм Важа Пшавела.

Замер стержень
Высокой антенны
В ожиданье
тревоги мгновенной,
И стусившийся сумрак тяжел...
Ничего не случилось, конечно.
Только вечер июньский неспешно
На пустынное море сошел.

ДОЛИНЫ

Что у тебя были детские годы, люди забыли,
Ты от минувшего так отдалилась, так отбежала.
Зим ледяных, летних дней сновиденья... Кто — в них? Не ты ли?
О, не понять уже, где им скончанье, где их начало!
...Чувствуешь, как тебя держат железом века поводья,
Ты, небывалого времени сверстник, века ровесник;
Вертится, кружится брменная жизнь, и, колобродя,
Вертишься с нею, кружишься с нею, вторишь ей в песнях.
Горы, привет вам, доброе утро, горы, долины!
Сизые нивы, мелкие птицы и воронята...
Так мы расстались, так разминулись в жизни столь длинной, —
Некому вспомнить, что детские годы знали когда-то.

БОМБЕЙ НОЧЬЮ

Бомбей — в круженье,
Тысячи улиц —
смесь тьмы и света,
И закружились огни вселенной,
и полетели...
О, есть Бомбею
где уместиться
в груди поэта.
В ней — гул Мадраса
и Бангалора,
Агра и Дели.

Величье засухи,
 великий ливень —
 потоп муссона,
Просторы неба,
 земли раздолье,
 морей приливы.
И снова,
 через тысячелетья,
 под шум бессонный,
Кружатся в пляске
 четыре длани
 старого Шивы.
В сердце поэта —
 и пламень алый,
 и эта гонка,
Движенье жизни гороподобной
 и гром таранный...
Быть может, сердце
 принять не в силах
 только ребенка,
Который вянет
И засypает
 у ресторана.

МОЖЕТ БЫТЬ, ЗАВТРА...

Может быть, завтра
Их запоют на хинди,
 эти стихи,
Чтоб индусская грусть
 в них рыдала.
Хлынут в них
 сумерки,
 блики
 рассвета на Инде,
Слово наполнится
 духом
 сухого сандала.

Будет в них много
Причуд и хвалебного гула,
слов,
на Востоке рожденных
молитвой и пиром,
Чтобы в строфе
так нечаянно
рифма сверкнула
Найденным где-то
на склонах Джайпура
сапфиром.
И започнут по-индийски,
Звения, разбивая запястья,
Станут стихи
Бормотанием струнным
ситара¹,
Над берегами потока
взывая...
О, веянье страсти!
Только любовь,
Лишь томление
ветра и жара.
Только возлюбленной песни,
лишь блеск
богомольный заката!
Боль мировую забыть,
оторваться от праха...
Стих зазвучит
многокрасочно,
ярко, богато,
Как в Раджастане
высокая твердь
Джехан-шаха.
Пусть же
он гимном гремит,
И прославится
братства денница,
Там, где заря
над землей растекается ало

¹ Ситар — индийский музыкальный инструмент.

Пусть, отгорев,
стих грузинский
испелится,
Как под окном Тадж-Махала
поленья сандала.

ЦВЕТЕТ МИНДАЛЬ НА РАЗВАЛИНАХ ВАВИЛОНА

Цветы, прощайте!
Может быть,— до встречи!
Пыланием заполнившие дол,
Припомните ли вы,
Что в Междуречье
Я был когда-то,
Рядом с вами цвел?

Миндаль в цвету
Иль мотыльки развалин?..
Цветы,—
до встречи!
Пусть пойдет вам впрок,
В благоуханьях девять раз проявлен,
Февральский благодатный солнцепек!

Иные дали
Предков призывали...
Но был я здесь,
Когда Евфрат шумел.
... Тонула предыстория в провале,
И открывал
Историю
Шумер.
И я — сапфира горного
частица!
Я — капля...
Пусть прервался водоскат,
Но в жилах

Солнце Вавилона
 длится,
И — лепет слова твоего,
Аккад!

Коль это ложь,
Зачем юней и чаще
Стал сердца стук?..
 Не «солнечный удар» —
В ушах звенит
 Ашшура чанг щемящий,
В зрачках мелькает
 блеск ворот Иштар.

И шелест ваш
Во снах живет
 доселе,
Томя тоской
Садов Семирамис,
 Где надо мною
 Семь небес висели,

И солнце жгло
 каменосечный фриз.
Земли и неба гнев
Мне снова снится,
 И засуха, и полчища зверей...

И выломала корни
 колесница,
И семена
 рассеял суховей.

И там, где небо,
 синее,
 как это,
Руин таких же
 осеняет прах,
Загадочных названий:
Халде, Хета —

 густой посев
 разбросан был в веках.

Не в сказках —
 я забыл и пережил их,
И не в словах забвенных —
 им не внять,

Мы поклялись
нести друг друга
в жилах,
Когда-нибудь
увидеться опять!

Миндаль в цвету
Иль мотыльки развалин?..
Цветы,—

до встречи!
Пусть пойдет вам впрок,
В благоуханьях девять раз проявлен,
Февральский благодатный солнцепек!

СЕЛЕНИЕ ХОНИ

...И вновь к тебе я —
прими, не выдай!
Душой,
Всем прошлым,—
к тебе на лоно,
Я — снова целый
и в прах разбитый,
Я — снова бодрый
и утомленный.
Одoleвал я слова и ритмы,
Как будто полчища великанов,
И мчался к славе,
и грохот битвы
Летел над полем, до неба грянув.
Все, что от века
Сходилось в споре:
Добро и зло,
рассвет и затемь.
Единоборство
Веселья с горем,
Нектара с ядом,
мольбы с проклятьем;
Борьба сомнения и доверья,
Гонимой чести
и спеси черствой,

Ягненка с волком,
птенца и зверя,
Добра и зла
единоборство...
Был с колыбели
Я в схватке вечной,
Объятый грезой чистосердечной...
Громада злобы
шла,
пасти скаля.
Но звонко
искры
мой щит и меч мой
Из головы ее высекали.
А тучи нечисти все свирепей,
Драконьи козни,
бесовства сети...
У двери дэва
Разбил я цепи!
О страх и трепет
тысячелетий!
И сотрясал я всех замков башни,
Ниспровергая обычай волчий,
И это было мечтой всегдашней,
Душой
и думой моей немолчной.
Вертел я ворот
жизня земного,
Видал я зевсов,
чей блеск обманчив...
И вновь к тебе я, к тебе все снова,
К тебе, как прежде,
моя Ламанча!

НАША КОЛХИДА

Если бы дали века возгореться нам,
Если б враги дали только подняться,
Сделали б мы из Колхиды Венецию,

На Черноморье воздвигли палаццо.
В те еще дни,
Когда вышла на Фазис
Сборная мира — воители «Арго»,
Плодонося, золотела, цвела здесь
Мощная жизнь светозарно и ярко.
Страны Турана и страны Ирана
Были в младенчестве...

Пеной тумана
Скрыт был престол олимпийца-тирана.
Здесь же вершился мятеж Амира¹.

Если бы дали века возгореться нам,
Если б враги дали только подняться,
Сделали б мы из Колхиды Венецию,
На Черноморье воздвигли палаццо.
Рухнувши с крыльями обгорелыми,
Мы бы на помощь сильных не звали.
Море покрыв голубыми галерами,
Строили б храм на Большом Канале.
Мы бы дубравы спасли от гибели,
Легких мостов протянули бы нити,
Вырубили орнаменты, выбили
Буквы грузинские на граните.
Цветомерцаньем невиданным
Грезя,
Торжествовали бы, осиянны,
Наши Беллини и Веронезе,
Наши Джорджоне и Тицианы.

Если б не дали века в обиду,
Если б враги оставили силу...
Но ведь и ту, былую Колхиду
Время великое посетило.

То, что случилось, —
сбылось, увенчалось,
Дали колос давние всходы,
И унаследована —
не малость!

¹ Амиран (Амирани) — герой-богоборец в грузинской мифологии, похитивший огонь для людей, за что был прикован цепью к Кавказскому хребту.

Выросли ГЭС, этажи, заводы.
Тысячелетние корни глубоки,
Но не собрать старины осколки —
Сгнули хижины из осоки,
Живы, воскресли древние колхи!

ОСТАВЬТЕ НАС ОДНИХ!

Оставьте нас!..

Износились

мой голос и струны лиры,

Сейчас

я остановился

у черной межи в тишине.

Уйдите!..

Одно только слово

сказать я хотел бы миру,

Сейчас меня с этим миром

оставьте наедине!

Драмами и ураганами

насыщенного до предела,

Чующего приближенье

и ураганов и драм...

Одно только слово молвить,

единое сделать дело—

Только вдвоем

с этой жизнью

дайте остаться нам!

Я сам — порожденье жизни,

я — кровь ее, плоть от плоти,

Я — голос прощенья, надежды, успокоенья...

В пылу

Весь мир, лежащий под солнцем,

я по своей охоте

Хвалой наполнял

и жизни пел я только хвалу.

Сейчас

все давайте сложим,

сегодня — пора закрыться

Всему, что испепелилось,
Всему, что уже мертво...
Давайте без глаз любопытных,
без судей, без очевидцев
Меня с этим днем, с этим миром
оставьте теперь одного!

МУДРОСТЬ ЖИЗНИ

О мудрость жизни, опытность живая,
Едва родившись, несмыслен и мал,
О, как тебя я жаждал,
добывая,
И, распаляясь, сердце растревлял!

Струною лирной,
Стеблем тростниковым
Не спето столько песен...
Что пойму!
...О мудрость, соприродная оковам,
И опытность, подобная ярму!

РАЗНОЦВЕТНАЯ ОСЕНЬ

*Внимай их пенью — и молчи.
Ф. Тютчев*

Время — уймись,
Годы в бурях прожил ты...
Где-то в Самгори
или в Самшвилде
В хижине бедной хоть несколько дней
Ты проводи,
и с листвою на утесах,
С красками осени слиться сумей.
...Желтая чох,а,
Бамбуковый посох.

Манят, зовут к одиночеству годы,
Горы пригнулись,
 очистились воды.
Рослые травы нагорной тропы,
Рощи,
 садов холодеющих своды.
Сохнет солома
Иль мокнут снопы...
Манят, зовут к одиночеству годы.
Неуловимыми голосами
Где-то безмолвие пело часами
В пламени красок все тише, все тише.
И уходило цветными лесами...
Юношей

 ты их не видел, не слышал,
Тысячецветье текло и дрожало,
Что же ты выбрал из радуги целой?..
Высверком

 выхваченного

 кинжала —

Белый и черный,
Черный и блый.
Каждой частицей, гранью люблю
Мир открывался неповторимо...
И проносились перед тобою
Краски и звуки

 мимо,

Все мимо.
Так насладись!
Ни волнения, ни гнева —
Льется смирение немого напева,
Яркие краски то звонче, то глуше.
Слушай безмолвье —
и справа, и слева,
Если не умерли
Очи и уши.
Слышишь ли — выси заголосили?
Горы пригнулись,

 очистились воды.

Видишь ли — красок летучие крылья?..
Манят, зовут к одиночеству годы.

СТАРОЕ И ДРЕВНЕЕ

Чтобы высветить древнее,
Все, что в пластах не остыло,
Но под смертной косой
Отошло к беспробудному сну,
Молча

 город снимает,
 как рубище,
 землю настила.

Чтобы древность поднять,
Здесь простую крушат старину.

Разрушается старое —
 все, что на древнем стояло,
Что красиво и прочно...
 Массив недостаточно стар
И не столь уж хорош...
Прочь, столетья!..
Открылись устало
Очи тысячелетья,
Эпохи Вахтанга, Тамар...

Ищут древние корни
В слоях, что лежат бездыханно.
Впрочем,

 что же мы знаем
 про эти седые века?

...Но «Симпатия» рядом с «Олимпией»,
Оба духана,
Перед Пушкинским сквером
Еще существуют пока.

Побелевшие угли...
Два здания, два очевидца,
В сонме новых домов,
Словно в «корпусе» — скромный «петит»,
Мелкий шрифт обветшалый...

 И кажется, им не укрыться,
 скоро властной рукой
 их сегодняшний день закогтит.

Будут сломаны стены —
на площади станет просторней,
Потолок упадет —

сгинут годы...
Забвеньем объят,

Ветхий мир отплывет,
будут выбиты слабые корни.
Канут белые ночи
И песни навек отлетят.

Песни, сердце сжигавшие!
«Шен хар венахи...»¹

Из мрака
Смотрит синяя тень Пиросмани,
застыв у дверей.
И вызывает: «Вина!» —
голос хриплый, хмельной Пастернака.
Пляшет Гудиашвили
Под пение сазандарей.

Кто сегодня найдет
Многоцветные эти полотна,
Эту боль исцелит
И откроет любовь, что не раз
Нам блаженство и горечь дарила,
Кто в почве неплотной
Эти годы поднимет,
Те ночи
припомнит сейчас?!

Но куда поэт
По земле этой ходит,
И время,
Что щадило его
И прощало,
над пеплом утрат
Вдохновение дарит,
Он снова — с виденьями теми,
и «Симпатия» вместе с «Олимпией»
там же стоят.

¹ «Шен хар венахи» («Ты — цветущая лоза») — старинный грузинский напев.

ИНЫЕ СЧЕТЫ

Поэт и смерть —
иные счета,
И разговор — совсем иной,
Хотя и нас
Без лишней льготы
Она окинет мглой ночной.
Нам приговор она выносит
(От кары не спасет каприз)
И нас
Отнюдь не перевозит
В иной Тифлис
Или Тавриз.

Порой в пути
ей отрок встречен,
Застигнут юноша врасплох...
Наш век все так же быстротечен
И вековечен горький вздох.
Ей не присуще сожаленье
И легкий приговор нечаст...
Но на поток
и разграбленье
Все ж достоянья не отдаст.

Решенье круто,
но и свято...
Коль есть сокровище, оно
В забвение
Не будет взято
И рубищем заменено.
Она
Потомству
В полной мере
Наследье наше отдает,
Да сохранится без потери
Труда и вдохновенья плод!

В согласьи с небом,
С волей рока
Незримо реет над людьми...
Душа, быть может, и жестока,

Но сердце праведно, пойми!
Когда же смертным
 дух закона
Порой невнятен в беге лет,
Той, что тверда
 и непреклонна,
до этого и дела нет.

ВЫСШИЙ ДАР

Вот высший дар,
Вот гения примета...
(Судьба и дарованье — не одно!)
Вот высший дар,
 живущий в жилах где-то:
Поставить точку
 вовремя—
 но это
Прозрение
Лишь избранным дано.
Но горе в том,
Что нелегко решиться,
И предан ты,
 но не развеять чар,
Поставить точку...
 Но дрожит десница,
Избранникам
Здесь изменяет дар.

СОН

Не утихает кровь,
Крутым напором
Торопит жизнь...
 И все же наконец
Увижу сновидение,
 в котором
В дверь постучится мой слепой отец.

Он в тех же сапогах
И в чохе строгой,
Красивый, рослый...
 Он, обняв меня,
Шел мерным шагом.
 В детстве я дорогу
Показывал ему средь бела дня.

Вновь посох тверд,
И поступь величава,
Речь ласкова.
 Все что-то на уме...
Сейчас он скажет:
— Встань, как прежде, справа!
 Я
 укажу
 дорогу в этой тьме.

ПОКА ЕЩЕ...

Ты пока еще верь, как бывало,
Верь в меня
И с лучами зари
Вновь мое подними покрывало
И оконные стекла протри.

Реют в дымке
 судьбы колесницы,
Но тебе
 не сорвать пелену —
Одинокая жизнь
 не приснится...
Жаль тебя мне оставить одну.

Ты скажи,
 что не веришь в разлуку,
Что б ни делала старость с людьми.
Ты взгляни,
 ты к щеке
 мою руку,
Как сухой подорожник, прижми.

ИЗ БРОНЗЫ

Кто это знает —
Лишь тебе известно,
Каких еще ты не закончил дел,
Чего не поднял
и не сдвинул с места,
Чего не смог
Иль просто не успел.
Но все, что есть,
Не изменило сути,
И воздаянье —
по твоим трудам.
Ты тоже
воздвигал
свою Гегути¹,
Ты тоже строил
Свой Дманисский храм.
И ты трудился,
Словно жнец и воин,
И ты писал
евангелье свое...
Бессмертное умрет, как рядовое,
И для бессмертных есть небытие.
И ты — как все...
И тех же мыслей смута,
Секунд утечка, неотвязный страх —
Не стала бы последняя минута
Барахтаньем беззвучным на волнах.
Но ты из бронзы яростной
Сработан,
И будь, что будет!
Чем старее стал,
Чем больше покрывается налетом,
Тем драгоценней этот матерьял.
Спокойней, сердце,
Не пугайся боли,
Ты было чистым в подвиге честном!
И что твое бессмертье —
не оно ли
Спокойствие простое
перед сном?

¹ Гегути — древний храм, памятник зодчества.

ЗАВЕРШИЛИСЬ ДЕСЯТЬ ПЯТИЛЕТОК

Завершились нечаянно десять твоих пятилеток,
Пять наполненных жизнью десятилетий твоих.
Не смотрел ты, не слушал...
И все же

и так или этак
Отдавал ты всю душу
И сердце ты отдал для них.

Мчались тысячи зрелищ
И тысячи тысяч миражей...
Не внимал, не глядел —
Созерцателем

не был досель!
Но все десять вагонов прошли, грохоча, будоража,
Через душу твою, как состав через Ципский туннель.

Годы, время проститься!
Вы некогда в славе и силе
Были праздником сердца
И мукой души...

В той дали
Вместе мы горевали,
единою радостью жили,
Ибо вместе пришли, ибо вместе ушли.

Вместе в жизнь мы вошли
И такие увидели виды...
Мы породы одной,

одного поколения мы!
Общей жаждой мы жили...
Тогда еще земли Колхиды
Были ядом болот и дыханием огненной тьмы.
И жила только в сказках,
В тенях голубого миража
Жатва нового дня,

невозможных и снящихся лет.
И, как скальпель, вонзался
в расселины горного кряжа
Электричества луч,
Первых лампочек брезжащий свет.

Да, мы вместе пришли,
Жили общей судьбой,
и несправедным
Было грозное время,
Бурлившее бездной труда.
И недаром
неистовым, истинным энтузиазмом
Небеса и земля
заодно
попыхали тогда.

Что ж, прощайте!
Когда-то
во имя невиданной веры
Вы меня закаляли
и с ходу бросали в бои.
Вы меня подымали
над былью обыденно-серой.
Вы и свежесть, и мужество
В песни вдохнули мои.
Годы, время проститься!
Вы некогда в славе и силе
Были праздником сердца
И мукой души...
В той дали
Вместе мы горевали,
единою радостью жили,
Ибо вместе пришли, ибо вместе ушли.

ВЕЧНО СНАЧАЛА

Тысячи раз
И все вновь и сначала
Спросишь себя,
не найдя ни следа:
— Как вы ушли и куда вас умчало,
Где вы пропали, исчезли когда?
Годы...
Что нынче в них?

Только истома
Сумерек тусклых...
А если они
Где-нибудь свалены
кучею лома,
Тлеют, как сношенные простыни?

Где-то в тумане
Уснули, пожалуй,
Там, за горами,—
уже не найду...
Может быть, лиственной грудой лежалой
Зябко дымятся в забытом саду?

... Что если,
С шумом всплеснувши крылами,
Взмыли над высью заоблачных гряд
И, устремляясь к звездам все упрямей,
Там, в безвоздушном пространстве парят?
С тем же дыханьем,
с той жизнью и славой,
с юностью той же...

Ты все же уйди
С этою верою крепкой и правой,
С этой великой надеждой в груди.

* *
*

Кто упрекнет,—
Ни дня не проходило,
Чтоб не вдохнул я
Запаха земли;
Был миром полон я,
Его горнила
То озаряли жизнь мою,
То жгли.

Он свет дарил,
Неведомый дотоле.
Всей болью мира

Существо мое
Наполнилось...
Я правдой этой боли
Живу,
И нет покоя от нее.

Не знаю, кто кольнет меня упреком —
Был миром полон я,
Был мир со мной,
И в сердце,
Словно клад в песке глубоком,
Таился голос,
Песенный,
Земной.

Но, словно горец, что столетье прожил,
Почуяв предначертанный предел,
Промолвлю,
Что и луч нездешний все же
Увидеть в небе
Иногда хотел.

ВНОВЬ БУДЬ СОБОЙ

Будь мерой
И чертой отсчета,
В тебе живут,
Себе перечат
и некто белый,
и черный кто-то,
Ты — червь и бог,
Ты — чет и нечет.

Лети все выше,
Как можешь, — выше,
Земля — подножье,
А небо — крыша.
Ты ошибался,
так ошибись же...

Раскрой же душу,
лазурь колыша!

Так соверши же
еще ошибку,
И льва послушай,
И короеда...
Пойми ухмылку,
прими улыбку,
Вновь стань собою,
в одном — победа!

И снова — к солнцу!
В лачуге, в храме,
Будь — в сердце родины,
с морем звуков...
И со стихами,
и со стихами
Стань, как ребенок, —
среди стольких внуков!

СЕРДЦЕ

Сердце,
Поверь,
Не состарюсь вовеки!
Вновь исцелят меня
В горькие дни
И перевалы,
И горные реки,
И вечерющей Мцхеты
Огни.

Нет, не состарюсь...
И на распутье
Ветры Колхиды
Меня исцелят,
Белая сказка столетий —
Гегути
Улиц тбилисских
Цветной листопад.

Молодость вспомню...
Что иней предзимний,
Если огонь ее непобедим!
Сердце мое,
Только ты помоги мне,
Бейся, как в юности,
Будь молодым!

Знавшее боль
И выдавшее виды,
Все претерпевшее
В этой груди,
Ты, мое старое сердце,
Не выдай,
Молодо бейся,
Не подводи!

СОДЕРЖАНИЕ

Любовью к жизни	3
Зов Алазани	4
Ничего не случилось	6
Долины	7
Бомбей ночью	7
Может быть, завтра...	8
Цветет миндаль на развалинах Вавилона	10
Селение Хони	12
Наша Колхида	13
Оставьте нас одних!	15
Мудрость жизни	16
Разноцветная осень	16
Старое и древнее	18
Иные счета	20
Высший дар	21
Сон	21
Пока еще...	22
Грустная юмореска	23
Из бронзы	24
Завершилось десять пятилеток	25
Вечно сначала	26
«Кто упрекнет...»	27
Вновь будь собой	28
Сердце	29

Ираклий Виссарионович АБАШИДЗЕ

ВЕЧНО СНАЧАЛА

Из лирики последних лет

Авторизованный перевод с грузинского Михаила Синельникова

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 29.07.87. Подписано к печати 01.10.87. А 00439
Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,56. Усл. кр.-отт.
1,58. Тираж 80000 экз. Изд. № 2395. Зак. № 1059. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

«ИДЕЛЬ-001 СТЕРЕО»

Магнитофон-приставка «Идель-001 стерео» адресован требовательным любителям музыкальных записей. Его технические возможности приближены к студийной аппаратуре. Совершенная механика, широкий диапазон рабочих частот, две скорости и четыре дорожки позволяют сделать высококачественные и экономные магнитофонные записи. Воспроизведение осуществляется при наличии усилительно-коммутационного устройства или стереоусилителя с собственным громкоговорителем. Автономно программы прослушиваются через стереотелефоны. С помощью пульта можно управлять работой магнитофона на расстоянии, предусмотрен режим «автореверс», позволяющий прослушивать фонограмму при обратном движении ленты.

Цена — 950 рублей

ЦКРО «Радиотехника»